

**25 лет назад началась «шоковая терапия»
(из воспоминаний)**

Константинов Илья Владиславович российский государственный, политический и общественный деятель; народный депутат РСФСР, член Совета Республики Верховного Совета РФ (1990—1993); директор департамента Института развития гражданского общества и местного самоуправления (до января 2009 г.)

На следующий день в Москве открывался очередной Съезд народных депутатов. В Кремле все разговоры были о предстоящем выступлении Ельцина.

Всезнающий Борис Немцов, вращая веселыми круглыми глазами, предсказывал, что «Батя» выступит с программной речью.

-- Сегодня исторический день, - уверял он окруживших его депутатов, - Батя даст старт радикальным реформам! Социализму – конец. Плановой экономике – конец. Диктату Союзного центра – конец. Отныне все будет решать рынок. Два-три года, и Россия превратится в процветающую рыночную демократию!

В зале ко мне подошла Салье.

-- Ельцин будет требовать дополнительных полномочий, - озабоченно заговорила она.

-- То есть? У него и так полномочий хватает.

-- Главное – право издавать указы, имеющие силу закона.

-- Минуя Верховный Совет?

-- Да. То есть, формально, Верховный Совет сможет эти указы отменять, приняв соответствующие законы. Но, на практике, ты же понимаешь!

-- Ну и как будут голосовать питерцы, - у меня появилось такое чувство, будто мне предстоит присутствовать при групповом изнасиловании.

-- Поддержим. Нет другого выхода. Экономика сыплется. В стране вот-вот начнется голод. Да еще постоянные конфликты с Союзным руководством! В такой ситуации времени на парламентские согласования просто нет. Решения

нужно принимать волевым порядком. И должен быть конкретный человек, который несет за все это ответственность.

-- Ельцин?

-- Ельцин.

-- Я против.

-- Почему? – во взгляде Салье промелькнула несвойственная ей неуверенность.

-- Я уже достаточно к нему присмотрелся. Единственное, что его по-настоящему интересует – власть, абсолютная власть. Я не буду за это голосовать.

-- Ты вступаешь на опасный путь, Илья, - печально заметила Марина, - Смотри, не промахнись!

Уверенной походкой хозяина Ельцин вошел на трибуну. Ревниво оглядел зал, который на этот раз приветствовал его без прежнего энтузиазма.

-- Уважаемые народные депутаты! Граждане Российской Федерации!

Я обращаюсь к вам в один из самых критических моментов российской истории. Пришло время действовать решительно, жестко, без колебаний.

В том, что он готов действовать решительно, никто не сомневался – президент уже доказал, что способен играть ва-банк.

-- Мы отстаивали политическую свободу. Теперь нужно дать экономическую,- настаивал Ельцин, - Снять все преграды на пути свободы предприятий, предпринимательства, дать людям возможность работать и получать столько, сколько они заработают.

Депутаты переглядывались: вот она шоковая терапия, на которой настаивают реформаторы; разговоры об этой программе давно ходили по коридорам Верховного Совета, вызывая скептические улыбки опытных хозяйственников и восторг молодых радикалов.

И Борис Николаевич не обманул ожидания своих поклонников.

-- Наиболее трудным будет первый этап. Произойдет некоторое падение уровня жизни.

«Кто бы сомневался»? – я рефлекторно рисовал в блокноте чертиков.

-- Если пойдем по этому пути сегодня, ощутимые результаты получим уже через год, - увещевал президент депутатов, - Первая задача – экономическая стабилизация. В ее основе – жесткая денежно-финансовая политика. Но самая болезненная мера – разовое размораживание цен в текущем году. Без нее разговоры о реформе, о рынке – пустая болтовня!

-- Хуже будет всем примерно в течение полугода. Затем снижение цен, наполнение потребительского рынка товарами, а к осени 1992 года, стабилизация экономики.

«А сам-то он верит в свои обещания? Едва ли».

И, словно отвечая на немой вопрос зала, Ельцин заговорил о благотворительных столовых и ночлежках, которые нужно немедленно открывать. «Ага, значит, понимает, к чему все это приведет. Понимает, но гнет свою линию»,

Между тем, президент уже перешел к планам ускоренной приватизации:

-- Принятый Верховным Советом РСФСР соответствующий закон предлагает усложненную процедуру приватизации. Ее необходимо упростить. Вопросы приватизации конкретного объекта должны решаться в течение не более пяти дней. У нас есть реальная возможность за три месяца приватизировать пятьдесят процентов мелких и средних предприятий.

«Интересно, - все более раздражаясь, размышлял я, - а откуда возьмет население сто миллиардов рублей на приватизацию, если либерализация цен вымоет все сбережения? Нет, мухлюет Борис Николаевич, карты передергивает».

А Ельцин быстро подбирался к главному вопросу, ради которого, им и была поднята вся эта реформаторская волна – к расширению полномочий исполнительной власти, то есть – его, любимого.

-- Учитывая быстрое изменение обстановки в ходе реформ, Съезд мог бы предоставить президенту право самостоятельно изменять структуру высших

органов исполнительной власти, решать вопросы персонального состава руководителей этих органов.

«Ну вот, теперь все понятно, Борис Николаевич натягивает на себя почти диктаторские полномочия. Интересно, как это воспримут депутаты?»

Судя по выражению лиц, отношение к новому ельцинскому курсу у депутатов сильно разнилось. Белла Куркова вся светилась восторгом, в глазах у Юрия Нестерова читалось что-то вроде: «Делать нечего, придется поддержать», Олег Басилашвили, как водится, вопросительно смотрел на Салье.

В перерыв все повалили в из зала. Вокруг омского депутата Сергея Бабурина, еще недавно оказавшегося главным конкурентом Хасбулатову в борьбе за кресло председателя Верховного Совета, собралась шумная группа.

-- Это переворот, - объяснял внимательным слушателям Бабурин, гневно поблескивая карими глазами, - Ельцин призывает растоптать конституцию, его экономический курс – это какая-то пиночетовщина.

-- Фактически, реформы будет осуществлять экономический блок правительства во главе с Егором Гайдаром, - послышался у меня за спиной простуженный голос Льва Пономарева, - С ним целая команда молодых реформаторов, - убеждал он колеблющихся демократов, - А Ельцин будет осуществлять политическое прикрытие.

-- Час от часу не легче, - раздраженно буркнул Аксючиц, - Знаю я этого Гайдара!

-- Что за человек? – поинтересовался я, поскольку лично не был знаком с новой восходящей звездой российской политики.

-- Столбовой номенклатурщик: внук писателя Аркадия Гайдара, работал в журнале «Коммунист», в газете «Правда» - парень себе на уме. Правая рука у него – Анатолий Чубайс. Да ты должен его знать, он из Питера.

Про Чубайса я, разумеется, был наслышан. Он считался одним из идеологов Ленинградского клуба «Перестройка» - странной организации, призванной, по словам ее создателей, мягко трансформировать плановую экономику в рыночную. Мои друзья-диссиденты эту публику недолюбливали,

за подчеркнутую лояльность к властям и подозревали, что кураторов клуба следует искать в КГБ. Возможно, эти подозрения были небезосновательны, по крайней мере, скандальная аналитическая записка: «Жестким курсом», появившаяся в 1990 году, и предлагавшая Горбачеву ради успеха экономических реформ срочно отказаться от демократизации, была подготовлена именно Чубайсом.

Впрочем, мой друг Александр Беляев считал, что я одержим манией преследования:

-- Тебе всюду мерещатся агенты КГБ, - смеялся он надо мной, - знаю я Чубайса, свой парень! – уверял он меня.

Вот теперь этот «свой парень» может стать одной из ключевых фигур в правительстве.

Пока мы с Аксючицем философствовали, в Кремлевском буфете образовалась длинная очередь.

-- Не успеем перекусить, - расстроился Витя.

-- Коллеги, я для вас очередь занял, - приветливо помахал нам рукой стоящей в голове очереди молодой депутат Михаил Киселев, имевший репутацию радикального либерала.

-- Как вам речь Бориса Николаевича?

-- Плохо, - отрезал я, не обращая внимания на изумленно взлетевшие вверх брови Киселева.

-- То есть? – решил уточнить он.

-- Пенсионеры, инвалиды, многодетные окажутся на грани голода. Прежде чем отпустить цены, следовало бы создать механизм поддержки этих людей.

Михаил снисходительно улыбнулся.

-- Все-таки, Илья, ты неисправимый романтик. Рынок – жестокая штука, он не знает жалости ни к женщинам, ни к детям. Ты же экономист, понимаете: для того, чтобы заставить наш обленившийся народ по-настоящему работать,

его нужно хорошенько треснуть по затылку. Вот мы сейчас его треснем, он и зачесется!

-- Пенсионерам поздно чесаться.

-- Пусть вымирают, - великодушно разрешил Киселев, - Будущее принадлежит молодым.

Как и следовало ожидать, программу Ельцина Съезд все же одобрил: и шоковую терапию, и либерализацию цен. Голоса критиков потонули в хоре причитаний о «сильной руке» и «персональной ответственности».

<https://www.facebook.com/ivkonstant/posts/1344657208934807>